

Пауэр Кристина Юрьевна

Аспирант, Институт международного права
и экономики им. А.С. Грибоедова
(Москва, Россия)
E-mail: kristina.power@yandex.ru

Pauer Kristina Yurevna

Postgraduate student, A.S. Griboedov Institute
of international law and economy
(Moscow, Russia)
E-mail: kristina.power@yandex.ru

**МОТИВ ПУТИ В РУССКОЙ
РОК-ПОЭЗИИ (НА ПРИМЕРЕ
ТВОРЧЕСТВА АЛЕКСАНДРА
БАШЛАЧЕВА, ЕГОРА ЛЕТОВА И
ЯНКИ ДЯГИЛЕВОЙ)**

**MOTIVE OF THE WAY IN THE
RUSSIAN ROCK-POETRY
(EXAMPLIFIED BY ALEXANDER
BASHLACHEV, YEGOR LETOV AND
YANKA DYAGHILEVA OEUVRE)**

Аннотация. Предметом исследования является корпус поэтических текстов А. Башлачева, Е. Летова и Я. Дягилевой. Автор научной статьи ставит целью раскрыть мотив пути в качестве одной из основных категорий структуры художественного пространства. Основой исследования является структурно-семиотический метод. Результат работы – выявление наиболее частотных параметров пути лирического героя и взаимосвязь мотива пути с другими мотивами в русской рок-поэзии. Результаты исследования могут быть применены в преподавании спецкурсов по русской рок-поэзии в высших учебных заведениях.

Abstract. The subject of study is the way in poetic texts by A. Bashlachev, J. Letov and Y. Diaghileva. The author of the scientific article aims to reveal the motive of the way as one of the main categories of the art space structure. The basis of this study is the structural-semiotic method. The article is to identify the most frequent parameters of the lyrical motive of way and relationship between the motive of the way and other motives in the Russian rock-poetry. The research results can be applied in teaching special courses of Russian rock poetry at institutions of higher education.

Ключевые слова: путь, мотив, образ, метафора, лирический герой, дом, смерть, жизнь, круг

Keywords: the path, the motive, the image, metaphor, lyrical hero, home, death, life, circle

Введение

Объект исследования – мотив пути в качестве одной из основных категорий структуры художественного пространства. Как справедливо отмечает О.Р. Темиршина, категория пространства является «одним из базовых компонентов любой микромодели» [10, с. 26]. Мотив пути – одна из основополагающих категорий художественных произведений вообще и рок-поэзии в частности. Категория пути моделирует парадигму движения лирического героя, коррелирует с основными мотивами и темами лирического произведения, определяет сюжетную линию произведения, что позволяет определить мотив пути в качестве основного мотива в художественном произведении. Стоит отметить, что путь – это не всякое передвижение персонажа, он имеет начальную координату выхода и конечную точку движения – цель пути. Так, по мнению В.Н. Топорова, путь – это «образ связи между двумя отмеченными точками пространства в мифопоэтической и религиозной моделях мира, т.е. то, что связывает – в максимуме условий – самую отдаленную и труднодоступную периферию и все объекты, заполняющие и/или образующие пространство» [11, с. 258]. Определение инварианта мотивной парадигмы пути позволит более подроб-

но исследовать рассматриваемый мотив в частности и рок-произведение в целом. В данной статье представлен анализ наиболее частотных вариантов мотива пути в поэзии А. Башлачева, Е. Летова и Я. Дягилевой.

Основная часть

Мотив выхода. Одной из наиболее частотных моделей движения героя является его выход. Так, пространство в стихотворении Летова «Как все это... кончается...» [5, с. 533] концентрически расширяется: душа поэтапно преодолевает границы дома («Хватается за забор цепляется») – улицы («Длинные дома, что вытягиваются в дудку») – города («Стратегически избранные окраины»), выходит в абсолютно открытое и безграничное пространство («Белые поля»). С мотивом движения связан и олицетворенный образ снега («А снег наступает вскипает идет»). Именно образ снега олицетворяет мир после смерти, что является сквозным образом (ср. «Я не оставляю следов на снегу»). Этот мир дополняется образом окраины, перелесков, архетипическим образом полей, который у Летова часто трактуется как пространство смерти: «Фантазийную географию новоявленного себя / Стратегически избранные окраины / Героические перелески / Белые поля» [5]. Вероятно, «стратегически избранные окраины» можно трактовать как осознанный выбор лирического субъекта отделиться от внешнего мира, общества, «дойти до края».

Мотив пути, начинающийся с выхода за пределы дома, ярко выражен и в песне «Прыг-скок» [5, с. 278], где локус дом представлен в образе комнаты, в которой присутствует круговая динамика движения тела: «Двинулось тело / Кругами по комнате / Без всяких усилий / Само по себе» [5]. Одним из основных мотивов является мотив ухода, движения от локуса дом: «Долой за околицу»; «Душу вымело / За околицу / Досадный сор из мясной избушки...» [5]. Здесь же обнаруживаем выход из тела лирического героя.

Кроме того, в поэзии Летова присутствует специфическая особенность – мотив выхода из тела лирического героя. Например, в стихотворении «Сквозь дыру в моей голове» [5, с. 211], где внешнее пространство характеризуется множеством домов, заполненных людьми («Полные дома розовых людей»), а образ подвала («лестница в подвал») вероятно символизирует внутренний мир лирического героя, в который кто-то пытается интегрироваться через его «дыру в голове». С помощью этих образов поэт наглядно подчеркивает противопоставленность лирического субъекта рациональному обществу. Как подсказывает А.С. Новицкая, летовский «лирический герой всегда стремится отделить себя от материального пространства, пользуясь различными путями выхода (перехода). Чаще всего таким выходом является смерть тела, несущая за собою духовное освобождение <...> жизнь, по Летоу, – вечное движение из небытия в небытие через фазу телесного бытия. Эти категории имеют пространственное значение. Лирический герой Летова, появившись на свет, двигается сквозь материальный мир к неизбежной и долгожданной смерти, которая может принимать форму телесной – и тогда герой освобождается от материального, вернувшись «домой», «умерев восвояси», – либо форму духовной смерти – и тогда герой остается навсегда в материальном мире» [9]. Иными словами, телесность представляет собой промежуточную фазу на пути из небытия, символизирующего абсолютную свободу, в небытие.

Поскольку границы тела проницаемы, выход из тела означает начало пути. Однако конечная точка пути неизвестна, поскольку этот путь из реальной жизни в нечто, куда отправляется душа после смерти. Этот же мотив возникает в песне «Долгая Счастливая Жизнь», где выход из тела – это соединение с чем-то иным, Вселенной. Разрушая тело, лирический субъект соединяется с Вселенной: «А вдруг все то, что

ищем, обретается при вскрытии / Телесного родного дорогого себя Вселенская Большая Любовь» [5]. Здесь обнаруживаем путь к смерти («На смертельной истребительной дороге все на север»). Знаменательно, что здесь пространство описано как северное, а в стихотворении «Как это все... кончается» пространство смерти выражено в образе «белых полей» и снега.

Таким образом, выход из тела, из дома – это начало пути в открытое пространство, смерть. Также обнаруживаем путь лирического героя из дома к природе – Богу. Этот сквозной феномен прослеживается в стихотворении «Со скоростью мира» [5, с. 491]. Здесь границы дома излишни («Однако лишняя стена / Однако прочно за окном»), следовательно, лирический субъект подсознательно стремится выйти из закрытого пространства дома в пространство Бога и смерти, так как этому пришло «самое время».

Образы дома и тела в поэзии Летова настолько тесно взаимосвязаны, что практически тождественны, следовательно, выход из дома равен выходу из тела. Процесс выхода из тела и из дома являются отправной точкой мотива пути лирического героя из реального мира во Вселенную. Итак, общая модель движения лирического героя в поэзии Летова такова – переход из закрытого пространства в открытое, который трактуется как умирание, смерть. Эта модель движения лежит в основе инвариантного лирического сюжета.

Рассмотрим мотив ухода в творчестве Дягилевой. В первую очередь, необходимо отметить, что часто мотив желания ухода связан с мотивом безысходности, например, в «Песенке про паучков» [6, с. 189]. Пространство в данной песне замкнутое, так как основная идея произведения – описание безвыходности ситуации и безысходности жизни в целом. Пауки находятся в замкнутом локусе банки («пауки в банке»), они смотрят на внешний мир, но понимают, что им туда не выбраться: «Глядят сквозь стены / Глазами мертвой стрекозы» [6, с. 189]. Их существование бессмысленно, они «бегут по кругу». Образ круга в этой песне – символ безысходности, один из центральных локальных образов, так же как и образ банки. Вероятно, образ пауков – это аллегория общества, современного автору.

Мотив ухода является центральным и в песне «Берегись» [6, с. 195], пространство которой открывается этим мотивом: «мне придется отползать». Лирическая героиня стремится сбежать от враждебной окружающей бытовой действительности, в которой она не может существовать. Лирический субъект бежит из нее в себя самого, в свое творчество: «От объявления войны на все четыре струны» [6, с. 195]. Мотив ухода сопровождается негативным восприятием действительности лирическим персонажем и в песне «Я стерженею» [6, с. 209], где описывается современное автору реальное пространство, атрибуты которого ее раздражают: «Я неуклонно стерженею / С каждой шапкой милицейской, с каждой норковой шапкой» [6, с. 209].

Героиня пытается найти выход из этого негативного пространства. Одной из попыток выхода является борьба с ним, которая делает лирического субъекта сильнее: «Я обучаюсь быть / Железным продолжением ствола, началом у плеча приклада» [6, с. 209]. Другая попытка ухода – спрятаться от общества: «Я заколачиваю двери / Отпускаю злых голодных псов с цепей на волю» [6, с. 209]. Лирическому персонажу некомфортно в окружающей его действительности, но «некуда деваться». Примечательно, что С. Кошкарлова обобщает мотив поисков и страданий в этом произведении: «Постоянные поиски выхода из замкнутого круга русского мученичества и постоянное натывание на новые тупики» [3, с. 135].

Нужно отметить, что мотив ухода нередко связан с мотивом смерти. Так, песня «Стаи летят (Прощание)» [6, с. 192] изобилует мотивами ухода и прощания. Лирическую героиню насильно увозят в степь («Под руки в степь, в уши о вере»). Вероят-

но, в пространство лирического субъекта направляет совесть и чувство вины. Лирический субъект уходит, чтобы уединиться, так как чувствует за собой вину. Выходом из этого состояния, на его взгляд, является уход из общества в пустую просторную степь (данный образ можно трактовать как открытое пространство смерти): «камень на шею / В горло глоток, может, простят» [6, с. 192]. Таким образом, автор подчеркивает, что единственный возможный путь ухода – это смерть. Итак, в творчестве Дягилевой мотив связан с выходом из круга безысходности, а следовательно, носит трагический характер.

Отметим, что физические координаты дороги в творчестве Дягилевой моделируют идеологические концепты и архетипический образ дороги как путь жизни: «заметает дороги, крестом забивают двери» [6, с. 165]. Вероятно, процесс заматывания дорог – это построение преград на жизненном пути. Дверь в этом стихотворении маркирует границу между «миром внутренним» и «миром внешним». Стоит отметить, что в этих строках не случайно двери забивают именно крестом, традиционно именно так забивают двери, когда уходят навсегда. Из этого можно сделать вывод, что лирический герой уходит из дома навсегда, но его путь будет сложным, так как присутствуют препятствия, метафорически выраженные через образ метели.

Таким образом, жизненный путь в творчестве Дягилевой не имеет возможности возвращения, носит экзистенциальный характер: смысл жизни в смерти, а сама жизнь – это муки и страдания человека.

Мотив экзистенциального пути обнаруживаем и в поэзии Башлачева. Так, жизненный путь в его поэтике часто выражен в образе железной дороги: «до станции последнего проклятья»; «Я еду, не жалея, не скорбя / Я знаю – через год иль через сутки / Смеясь, однажды, высажу себя / На станции Моей Последней Шутки. / Нисколько не жалея, не скорбя...» [7, с. 34–36]. Таким образом, тема пути по железной дороге отождествляется с темой жизненного пути, исканий. Примечательно, что в творчестве Башлачева мотив пути часто связан с мотивами боли, смерти, но сменяется мотивом надежды: «Так лей сполна и радость, и беду! / И не жалеи ни сахара, ни соли / И, захмелев, я спрыгну на ходу / На станции Моей Последней Боли».

Мотив жизненного пути, выраженный в образе железной дороги, наиболее ярко представлен в стихотворении «Поезд № 193» [7, с. 88–90], где в ключевой формуле «моя голова – перекресток железных дорог...» [7, с. 88–90] описано пространство головы, которое является миром мыслей лирического героя. В свою очередь, мысли запутаны, они находятся в движении, поэтому поэт сравнивает данное пространство головы с перекрестком железных дорог. В шестой строфе возникает еще один образ мотива пути: вагон-ресторан, облегчающий путь. Он противопоставлен именно жестким вагонам – это единственная радость в пути: «Прицепленный к жестким вагонам вагон-ресторан» [7, с. 90].

Таким образом, экзистенциальный путь в поэзии Башлачева часто выражен в образе железной дороги, сопряжен с мотивом любви, философскими вопросами о смысле жизни и предназначении человека. При анализе стихотворений рок-поэта мы обнаружили тождество жизнь – путь, которое нашло свое отражение в экзистенциальном пути.

Путь по кругу, выход из круга. Как видим, мотив пути у Дягилевой связан с мотивом безысходности. Так, на протяжении всего стихотворения «По свинцовому покою глубины моей...» [6, с. 216] в том или ином виде присутствует образ круга: в образе огненной колесницы («в колеснице долгого огня»; «обнаженный блеск колесных спиц» [6, с. 216]), в образе круга в качестве магической защиты от злых духов («за глазами с пятками круга не нарушь» [6, с. 216]). Как справедливо отмечает Н.К. Нежданова: «Мир природы в рок-поэзии не одномерен. Он космичен по своей

структуре: верх – низ – круг» [8, с. 33]. Действительно, в творчестве русских рок-поэтов круг занимает одно из центральных мест в художественном пространстве их лирических произведений. Особенно ярко это выражено в стихотворениях Башлачева («Спроси, звезда») и Дягилевой («На черный день»). Образы круга в русской рок-поэзии изучали и другие литературоведы, например, А.А. Арустамова и С.Ю. Королева: «Образы круга, кольца – пространственного и временного – и лихорадочного бегства по кругу, воплощающие экзистенциальную бессмысленность бытия, являются сквозными в творчестве <...> рок-поэтов» [1, с. 91]. Так как рок-поэты отражают в своих произведениях чувства страдания, бренности бытия, разочарованности, уныния, ощущения беды и одиночества, определения образа круга по Арустамовой и Королевой близки поэтике Башлачева и Дягилевой. Так, в поэзии Дягилевой лирический герой не просит понимания и сочувствия («Погляди, махни рукою, слабо улыбнись / Отойди, постой в сторонке, к лесу обернись» [6, с. 216]), но находит спасение в новом дне («Расстаться – отоспаться за стеною Дня», «нам уже пора / Уходить за перелески проливным дождем. / Оставляя за плечами беспокойный дом» [6, с. 216]).

Как мы уже отметили, круг является центральным образом и в песне «На черный день» [6, с. 190], что обнаруживаем в образах: «круг», «колеса», «калейдоскоп», «аттракцион для новичков – по кругу лошади летят», «бильярдные шары». Движение в пространстве также происходит по кругу. Стоит отметить, как анализирует образ круга в корреляции с мотивом смерти Е. Хаецкая: «Здесь смерть имеет обличье круга, представленного, прежде всего, как ярмарочная площадь с балаганами, каруселями и прочими обманчиво-привлекательными атрибутами ярмарки» <...> Маринин¹ «круглый рай» оборачивается у Янки «круглым адом» (круги ада). Круг как знак, символ смерти возникает с первых строк и дальше присутствует неизменно, то явно, то скрыто» [3, с. 215]. Примечательно, что финал стихотворения открыт, так как автор стремится подчеркнуть безысходность и бесконечность этого движения («Колесо вращается быстрее»). Пространственные параметры характеризуют движение не только в круговом направлении, но и в направлении вверх («На провода из-под колес да на три буквы из-под асфальта» [6, с. 190]) и вниз («В тихий омут буйной головой» [6, с. 190]). Предметы в пространстве указывают на его враждебность по отношению к лирическому герою, так как они наделены чертами милитаризма, например, зашифрованный образ танка: «Железный конь. Защитный цвет. Резные гусеницы в ряд»; «Под звуки марша головы долой» [6, с. 190]. Затем, вероятно, описывается огромное пространство России, однако оно отгорожено от внешнего мира закрытыми границами: «Лбов бильярдные шары от столкновенья раскатились по полам / По обе стороны, / Да по углам просторов и широт» [6, с. 190].

В стихотворении Дягилевой «По среднестатистическому кругу...» [6, с. 224] мотив пути сопровождается движением в пространстве вниз, вверх и по кругу: «По среднестатистическому кругу / туда на эскалаторе / А обратно на веревочке / Траектория петли / Над всякими там красотами / высотами, пустотами и нечистотами» [6, с. 224]. Пространство этого стихотворения можно определить как космическое «по своей структуре: верх – низ – круг» [8, с. 33]. Можно предположить, что таким образом автор видит экзистенциальный путь: детство, которое проходит стремительно («туда на эскалаторе»), медленная старость («А обратно на веревочке»). «По среднестатистическому кругу» – это жизненный путь: рождение, взросление, старение, смерть, рождение и т.д. Жизнь проходит в разных пространствах: бывают приятные моменты («красоты», «высоты»), а бывают и неудачи («пустоты» и «нечистоты»). В

¹ Имеется в виду поэт Марина Цветаева. *Прим. П.К.*

первой части стихотворения описывается внешний круг жизни, а во второй части – то, что жизнь наполняет. Таким образом, в поэтике Дягилевой путь по вертикальному пространству по траектории снизу вверх или сверху вниз рано или поздно заходит в тупик и движется по кругу, что тесно связано с мотивом безысходности и отсутствия пути.

Рассмотрим корреляцию мотива пути и мотива безысходности в поэзии Башлачева. Эта корреляция в его творчестве раскрывается через образы круга из бездорожья, что девальвирует мотив пути, и подчеркивает мотив безысходности, который обостряется мотивом смерти, выраженным в образе замерзшей реки: «Кругом – бездорожья траншеи. / Что, к реке торопимся, братцы? / Стопудовый камень на шее. / Рановато, парни, купаться...» («Некому березу заломати / Окно в Европу» [7, с. 81–84]. Примечательно, что В.А. Гавриков отмечает сакральность образа реки: «река у Башлачева является, наверное, самым сакральным локусом. Этот мотив поэт явно заимствовал из мифологии: у Башлачева река также является границей между миром живых и миром мертвых» [4, с. 48].

В поэтике Башлачева часто возникает мотив творческого пути, противопоставленного образу круга. Здесь пространство воображаемое, и самое главное отличие этого пути – он вертикальный, он представляет собой выход за пределы круга. Нельзя не отметить, что творческий и жизненный пути неразрывно коррелируют и взаимодействуют, влияя друг на друга. Это отчетливо явствует из пространственно-временной структуры песни «На жизнь поэтов» [7, с. 135–136], где жизненный и творческий пути поэта показаны через призму круговой парадигмы пространства «Божественной комедии» Данте Алигьери. Жизнь поэтов сравнивается с семью кругами ада: «Дай Бог им пройти семь кругов беспокойного лада». Семь кругов беспокойного лада – жизнь поэта, восьмой круг – бессмертие, т.е. то творческое наследие, которое оставил поэт. Нельзя не согласиться с мнением А. Житинского: «"восьмой" круг – круг бессмертия» [2, с. 4]. Башлачев четко отмечает, что для поэтов характерна короткая жизнь: «Короткую жизнь – Семь кругов беспокойного лада – / Поэты идут. И уходят от нас на восьмой» [7, с. 136]. Житинский определил семь кругов беспокойного лада как символический образ вместилища поэтического духа: «семь кругов» беспокойного поэтического лада варьируются в песне, обретая очертания символического образа, зыбкого вместилища духа» [2, с. 4]. Итак, рассматривая путь как метафору поэзии, мы приходим к выводу о том, что в данном случае пространством является воображение, следовательно, данный «спациум» является нереальным, метафизическим, и самое главное отличие этого пути в том, что он вертикальный и представляет собой выход за пределы круга.

Выводы

Итак, итоги нашего исследования:

1. Наиболее частотными образами мотива пути являются образы дороги и железной дороги.
2. Путь в рок-поэзии представлен в трех видах: экзистенциальный путь, путь по кругу и экзистенциальный путь.
3. Общая модель движения лирического героя в поэзии Летова – переход из закрытого пространства в открытое, который трактуется как умирание, смерть. Эта модель движения лежит в основе инвариантного лирического сюжета.
4. В поэзии Дягилевой единственный возможный путь ухода – это смерть. Мотив возвращения связан с выходом из круга безысходности, а следовательно, носит позитивный характер.

5. Жизненный путь в творчестве Дягилевой не имеет возможности возвращения и носит экзистенциальный характер: смысл жизни в смерти, а сама жизнь – это муки и страдания человека. В поэзии Башлачева экзистенциальный путь часто выражен в образе железной дороги, сопряжен с мотивом любви, философскими вопросами о смысле жизни и предназначении человека. При анализе стихотворений рок-поэта мы обнаружили тождество жизнь – путь, которое нашло свое отражение в экзистенциальном пути.

6. В поэзии Дягилевой самым частотным образом в поэзии автора является образ круга, связанный с мотивом безысходности, а путь по вертикальному пространству по траектории снизу вверх или сверху вниз рано или поздно заходит в тупик и движется по кругу, что тесно связано с мотивом безысходности и отсутствия пути. Как явствует из анализа лирических произведений Башлачева, путь как метафора поэзии является пространством воображения, следовательно, данный «спациум» является нереальным, метафизическим, и самое главное отличие этого пути состоит в том, что он вертикальный и представляет собой выход за пределы круга.

Литература

1. Арустамова А.А., Королева С.Ю. Урбанистическое сознание и русская рок-поэзия 1980–1990 гг.: к специфике воплощения // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 2000. № 3. С. 84–92.
2. Башлачев А. Посошок. Л., 1990. 79 с.
3. Борисова Е., Соколов Я. Янка. Сборник материалов. СПб., 2001. 607 с.
4. Гавриков В.А. Мифологическое пространство в поэтической системе Александра Башлачева // Известия Российского государственного университета им. А.И. Герцена. 2007. № 33. С. 48–50.
5. Летов Е. Стихи. М., 2011. 548 с.
6. Летов Е., Дягилева Я., Рябинов К. Русское поле экспериментов. М., 1994. 300 с.
7. Наумов Л. Александр Башлачев: человек поющий. СПб., 2014. 543 с.
8. Нежданова Н.К. «Поколение дворников и сторожей...»: черты самоидентификации в рок-поэзии. Курган, 2007. 146 с.
9. Новицкая А.С. «Партизан» и «превосходный солдат»: лирический герой Егора Летова 1985–1989 гг. // Русская рок – поэзия: текст и контекст. 2010. № 11. С. 160–164.
10. Темиршина О.Р. Типология символизма: Андрей Белый и современная поэзия. М., 2012. 290 с.
11. Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983. С. 227–284.

References

1. Arustamova A.A., Koroleva S.Iu. Urbanisticheskoe soznanie i russkaia rok-poeziia 1980–1990 gg.: k spetsifike voploshcheniia [Urban consciousness and Russian rock poetry of 1980–1990 to the specific embodiments]. *Russkaia rok-poeziia: tekst i kontekst* [Russian rock poetry: text and context 3], 2000, no. 3, pp. 84–92.
2. Bashlachev A. *Pososhok* [One for the road]. Leningrad, 1990. 79 p.
3. Borisova E., Sokolov Ia. *Ianka. Sbornik materialov*. [Yanka. Sourcebook]. St-Petersburg, 2001. 607 p.
4. Gavrikov V.A. Mifologicheskoe prostranstvo v poeticheskoi sisteme Aleksandra Bashlacheva [Mythological space in the poetic system of Alexander Bashlachev]. *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.I. Gertsena* [Proceedings of the Russian State University named after A.I. Gertsen], 2007, no. 33, pp. 48–50.
5. Letov E. *Stikhi* [Poems]. Moscow, 2011. 548 p.
6. Letov E., Diagileva Ia., Riabinov K. *Russkoe pole eksperimentov* [Russian field of experiments]. Moscow, 1994. 300 p.

7. Naumov L. *Aleksandr Bashlachev: chelovek poiushchii* [Alexander Bashlachev: a singing man]. Saint Petersburg, 2014. 543 p.
8. Nezhdanova N.K. «*Pokolenie dvornikov i storozhei...*»: *cherty samoidentifikatsii v rok-poezii*. ["The generation of janitors and watchmen...": features of identity in the rock poetry]. Kurgan, 2007. 146 p.
9. Novitskaia A.S. «Partizan» i «prevoskhodnyi soldat»: liricheskii geroi Egora Letova 1985–1989 gg. ["Partizan" and "perfect soldiers": lyrical hero Yegor Letov 1985–1989 years]. *Russkaia rok-poeziia: tekst i kontekst* [Russian rock poetry: text and context], 2010, no. 11, pp. 160–164.
10. Temirshina O.R. *Tipologiya simvolizma: Andrei Belyi i sovremennaya poeziia* [Typology of symbolism: Andrew Belyj and contemporary poetry]. Moscow, 2012. 290 p.
11. Toporov V.N. *Prostranstvo i tekst* [Universe and text]. *Tekst: semantika i struktura* [Text: semantics and structure]. Moscow, 1983, pp. 227–284.

Примечание: работа выполнена под руководством доктора филологических наук, профессора О.Р. Темиршиной.

Пауэр К.Ю. Мотив пути в русской рок-поэзии (на примере творчества Александра Башлачева, Егора Летова и Янки Дягилевой) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2017. №4(79). С. 82–89.

For citation: Pauw K.Y. Motive of the way in the russian rock-poetry (exemplified by alexander bashlachev, yegor letov and yanka dyaghileva oeuvre). *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2017, no. 4 (79), pp. 82–89.